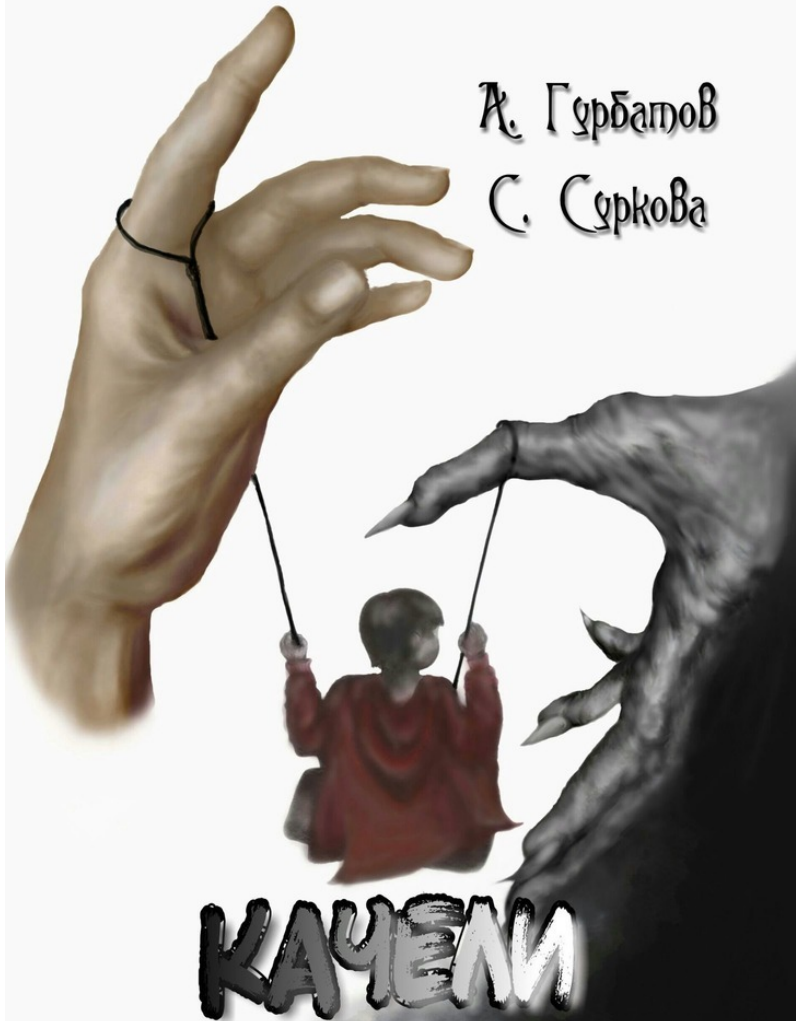

А. Гердамов

С. Серкова

КАЧЕНИ

Алексей Гурбатов
Светлана Суркова
Качели

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149017
ISBN 9785449606624*

Аннотация

«Качели» – итог труда двух авторов, очень разных по характеру, образу жизни и мыслям. Мы прошли каждый свой путь и видели жизнь с разных сторон. Нам захотелось поделиться своими мыслями, своими воспоминаниями и чувствами. Надеемся, наш сборник заставит вас и улыбнуться, и погрузиться, и задуматься.

Содержание

Благодарности	5
Тубдиспансер	7
Облака	16
Желания	18
Обыденность	19
Нитка, пуговица, иголка	20
Ветер	27
Не надо	28
Дежурный ангел	29
Маркетинг 90-х	30
Мне нравится	33
Тормоза	34
Минута слабости	36
Заноза	37
Люди должны бояться	38
Другая	39
Голуби	40
Мечь	45
Ушедшим родителям	47
Кома	48
Подарок	50
Я книги читаю с конца	56
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Качели

Алексей Гурбатов
Светлана Суркова

Редактор Светлана Киселёва

Иллюстратор Мария Хазова

Администратор Михаил Кандалинцев

© Алексей Гурбатов, 2018

© Светлана Суркова, 2018

© Мария Хазова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4496-0662-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Вот и сбылась мечта: вы держите в руках детище двух авторов. Книгу, в которой мы делимся нашими наблюдениями, нашими чувствами и мыслями. Хотелось бы отметить, что этот сборник мог не увидеть свет без поддержки таких замечательных людей, как:

- ◆ Надежда Туз (Донецкая область, Краматорск)
- ◆ Нина Кириенко (Красноярск)
- ◆ Анастасия Самсонова (Ленинградская область)
- ◆ Эльдар Валеев (Магнитогорск)
- ◆ Наталья и Владимир Бевзовы (Радужный, ХМАО)
- ◆ Ольга Бондарева (Гай, Оренбургская область)
- ◆ Геннадий В. Гольдяев (Улан-Удэ, Бурятия)
- ◆ Елена Патрушева (Австрия)
- ◆ Татьяна Воробьева (Челябинск)

#

Кроме того, я, Алексей Гурбатов, хочу поблагодарить художника Марию Хазову и администратора Михаила Кандалинцева за неоценимый вклад в создание книги.

А я, Светлана Суркова, благодарю свою семью и моих друзей за терпение и веру в меня.

Всем вам мы говорим огромное спасибо!

Кавардак

Тубдиспансер

Походы в медицинские учреждения у меня с детских лет вызывали потерю настроения и мандраж. А здесь такое – обследование в противотуберкулёзном диспансере! И вроде бы ничего сверхъестественного в плановой проверке состояния здоровья нет (каждый год труженики нашего завода проходят диспансеризацию), но уже за несколько дней до посещения фтизиатра у меня от страха стали появляться симптомы, схожие с симптомами страшного недуга.

– Димка, да ну не смей ты меня! Тебе двадцать семь лет. Да и откуда в твоём сверхгабаритном теле взяться палочке Коха. Твои мышцы её бы сразу же раздавили, – смеясь, сказала мне супруга во время ужина после того, как я сообщил ей о своём «недомогании».

– Нет, Лена, ты не права! Ни возраст, ни двухметровый рост, ни накаченное тело здесь не причём. Туберкулезом может заразиться любой – и молодой, и старей, и великан, и лилипут. Эта зараза передаётся воздушно-капельным путём, а подхватить её можно даже в магазине или в общественном транспорте, – уверенно заявил я и строго посмотрел на жену.

Лена убрала улыбку со своего красивого лица, взглянула на меня, как директор школы на нашкодившего ученика, поднялась с кухонной табуретки, подошла и села ко мне колени, обхватив своими нежными руками мою громадную

шею, и прижавшись левой щекой к моей могучей груди.

– Димочка, я так сильно тебя люблю, что готова следовать за тобой в любые дали. А уж если ты серьёзно болен, то позволь и мне разделить с тобой участь приближающейся смерти. Целуй меня скорее. Впускай в меня своё дыхание вместе с этой проклятой палкой, – наиграно грустно произнесла Лена и поднесла свои пухлые губки к моим губам.

Я нежно поцеловал уста любимой, крепко прижав Лену к себе, а оторвавшись от сладостного поцелуя, тихо произнёс:

– Красавица моя, я тоже сильно тебя люблю! Спасибо, родная, за поддержку. Ты всегда знала и знаешь, как и чем меня успокоить. Ты маленькая, нежная, хрупкая, но в такие минуты ты и выше, и сильнее меня. Я всё понял, Леночка. У меня уже всё прошло.

– Вот и я тебе об этом. Всё будет хорошо, мой любимый великан! Не бойся ты этих врачей. А сейчас пойдём спать, – с задором сказала Лена и, чмокнув меня в нос, поднялась с моих коленей.

– А как же посуда? – в недоумении спросил я.

– Да ну её. До завтра подождет, – отмахнулась Лена.

Своими острыми жемчужными губками она прикусила нижнюю губу, зная, как это заводит меня, и потащила в спальню.

День делать «флюшку» настал.

Тубдиспансер в нашем провинциальном городишке на-

ходил на окраине. Туда ездил один автобус и то по расписанию, которое было известно одному лишь водителю. На маршрутке я доехал до остановки «Гор. площадь», а дальше, нехотя, словно таща на Голгофу свой крест, пошёл по пустынной улице вверх, медленно приближаясь к месту назначения.

Здание диспансера было построено очень давно, во времена основания города, и выглядело так же ужасно, как лёгкие больного с диагнозом инфильтративный туберкулез последней стадии. Даже недавно проведённый ремонт не смог скрыть все трещины и дыры на фасаде медучреждения.

Я зашёл внутрь. В нос ударил резкий запах лекарственных препаратов и гниющей древесины. Освещение было никудашным – во всем длинном коридоре горели лишь две тусклые лампочки. Я двинулся по указателю на стене к регистратуре, осторожно ступая по деревянному полу, покрытому рваным, исшарканным линолеумом. Под моим двадцатикиллограммовым весом пол прогибался и издавал звук, напоминающий громкое, хриплое дыхание тяжелобольного человека.

Получив свою медицинскую карту из рук грузной, неприятной женщины бальзаковского возраста, я последовал вглубь первого этажа к двери серо-белого цвета, с прикреплённой на ней табличкой с надписью: «Кабинет флюорографии». В коридоре никого не было и, постучав в дверь, я вошёл в кабинет, не дождавсь приглашения. Кабинет был

пуст. Я хотел было ретироваться, но тут из двери напротив, застегивая на ходу белый халат, вышла симпатичная девушка лет двадцати пяти. На ее милом лице читалась усталость, словно сейчас было не утро понедельника, а конец трудного рабочего дня.

– Почему Вы без приглашения? – сходу, не здороваясь, произнесла она, – Разве Вы не видели надпись «Без вызова не входить»?

– Извините, – смутился я и повернул назад к двери.

– Ну куда Вы уж. Проходите. Раздевайтесь по пояс. Вещи на кушетку, а сами проходите в кабинку, – произнесла девушка и снова скрылась в своем кабинете.

Несмотря на июньскую жару на улице, я почувствовал сильный озноб, когда снял с себя рубашку. Заметно ёжась, я зашёл в кабину флюорографа, и тут же услышал звонкий голос девушки:

– Грудь прижать к экрану. Плечи расправить. Подбородок поднять.

Я в точности выполнил все указания лаборантки и сразу ощутил обжигающий холод в груди от соприкосновения кожи с ледяным экраном рентген аппарата. Дверца кабинки со скрипом закрылась, и откуда-то издали раздался приглушённый голос девушки:

– Вздохнуть и не дышать!

Я вздохнул и затаил дыхание. Раздался громкий щелчок и через пару секунд дверь со знакомым скрипом открылась.

– Всё! Выходим, одеваемся, и пять – семь минут ждём в коридоре, пока я проявляю плёнку, – произнесла лаборантка давно заученную фразу.

– А зачем ждать? – не понял я.

– Ну, деревня! Если снимок не получится, то придётся повторить процедуру, – разъяснила мне девушка, вынимая громоздкую кассету из «пасти» флюорографа.

Я вышел из кабинета и сел на деревянную лавку, стоявшую возле двери. Народа по-прежнему не было, и из-за этого по всему помещению расплзлась звенящая тишина, от которой у меня заболела голова. Однако, вскоре из тёмного конца коридора до моего слуха долетели звуки шагов нескольких человек и их неразборчивые голоса.

«Ну, хоть какое-то развлечение» – подумал я и, откинувшись к стене, стал ждать.

Через несколько секунд я увидел трёх женщин примерно одного возраста (под полтинник) и одной, крупногабаритной, комплекции. Сходство между дамами было настолько поразительным, что мне показалось, ко мне приближаются три родные сестры, которых родственники и знакомые различают лишь по росту и обилию золотых украшений. Та, что была посередине, выделялась большей статью, хотя была среднего роста. Она несла себя гордо, словно корабль во время штиля. Когда она обращалась к кому-то из собеседниц, она либо скашивала глаза, либо поворачивалась всем корпусом. На ее могучей груди возлежали тяжелые бусы из жем-

чуга. Бусы были длинные, несколько раз обмотаны вокруг шеи. Возможно, это и мешало их обладательнице поворачивать голову. В ушах у нее были крупные бриллиантовые серьги, а кольца нанизаны почти на все пальцы рук. Справа от нее семенила женщина меньшего роста. Казалась, она тянулась вверх, чтобы быть чуть выше, вровень со своей соседкой. У нее была роскошная копна волос неестественного рыжего цвета, которая прятала уши. Пальцы так же украшали кольца, а на шее висело несколько золотых цепочек разной толщины. Третья дама была выше и несколько моложе своих товарок. Она шла по левую руку от первой, чуть сзади. Немного ссутулившись, словно старалась быть менее заметной. У нее у единственной я заметил, помимо других колец, обручальное. В ушах были крупные серьги-кольца, а на шее три тонкие золотые цепочки. Макияж всех трех дам был вызывающе ярким, а волосы уложены и залакированы. Кроме того, женщины и одеты были одинаково: несмотря на жару, на них были костюмы с пиджаками непонятных, розово-желто-сине-зеленых расцветок.

– Любовь Иванна, ты в этом вопросе ошибаешься! Нельзя винить в случившемся Люську. Ну, откуда она могла знать, что её муженёк подхватит эту заразу? – заступилась за неизвестную мне Люську низенькая дама.

Любовь Ивановна остановилась и посмотрела на заступницу таким взглядом, что даже мне стало страшно.

– Тань, а Тань, чего это ты удумала за горшкомойку

вступиться? Или это ты решила поперечить мне, пока мы не на работе? А может ты, вообще, решила моё местечко занять и таким заступничеством весь коллектив детсада к себе расположить, а-а?! – грозным голосом задала вопросы Любовь Ивановна и пристально посмотрела в глаза остановившейся Татьяны-заступницы, потирая пухлыми пальцами левой руки многочисленные кольца и перстни на пальцах правой.

– Да, я... Да, что вы... Любовь Иванна, да как вы могли подумать о таком?.. – путаясь в словах и густо краснея, произнесла Татьяна.

– Я всё могу! Правда, Валюша? – уверенно заявила Любовь Ивановна, задав вопрос третьей спутнице, даже не глядя на нее.

– Ваша правда, Любовь Ивановна! – затараторила Валюша, заметно обрадовавшись тому, что ее удостоили вниманием.

– То-то же! – произнесла Любовь Ивановна и, улыбнувшись, последовала дальше.

Из этого разговора я заключил, что дамы являются сотрудниками одного учреждения, детского сада. И проработали вместе не один год. Когда-то я слышал, что люди, проработавшие вместе долгие годы, становятся похожи друг на друга. Вероятно, Любовь Ивановна находится во главе детского учреждения, а заступница Татьяна – ее заместитель. Что же касается Валюшки, то она, вероятно, простая

воспитательница, которая находится в зависимости от воли начальницы.

Женщины приблизились и, усевшись на деревянную лавку напротив меня, продолжили разговор будто рядом с ними никого не было:

– И всё-таки это Люська во всём виновата, – гнула свою линию Любовь Ивановна, – Как она могла не знать, что её любимый муженёк подхватил туберкулез? Всё она видела и всё знала! Я думаю, Люська специально от муженька заразилась, чтобы нам отомстить за то, что мы её всем коллективом на собрании отчитали и премии лишили, – умозаключила заведующая.

– Да, но при чём здесь дети? – вновь попыталась возразить Татьяна, но заметив взгляд начальницы, ставший ещё более злым, осеклась и добавила, – Хотя, если подумать, ваши слова вполне могут быть правдой. Вспомните, что она сказала, покидая то злосчастное собрание: «Я вам, девочки, этого никогда не забуду!» У меня её слова надёжно в памяти засели. Ты смотри, что удумала! Вот ведь дрянь какая, даже детишек не пожалела!

Татьяна распалялась, заметно повышая голос с каждым новым предложением. Казалось, она уже забыла, что еще пару минут назад пыталась быть лояльной к несчастной Люське.

– Да таких в тюрьму сажать нужно! – резюмировала экзаступница.

– Нет, не в тюрьму. Таких стрелять нужно, чтобы заразу не разносили! – зло произнесла Любовь Ивановна и одобрительно кивнула головой, дав понять Татьяне, что рада видеть её среди своих союзниц.

– Это уж точно! – вставила реплику Валюша.

Я был поражён той злости и ненависти, с которой говорила женщина, руководящая детским садом! Учреждением, в котором дети проводят довольно большую часть своего времени, наблюдая за тем, что происходит в этом мире, впитывая в себя, словно губки, отношение к окружающему миру и к окружающим их людям. А также был удивлён, насколько сильно эта Любовь Ивановна смогла запугать коллектив детского сада, сделав из здравомыслящих подчинённых марионеток. Меня повергло в ужас, чем заведующая, высококвалифицированный воспитатель, может забить головы детишек, наших детишек! Я содрогнулся и с презрением посмотрел на трёх дам, продолжавших словесно избивать санитарку Люську и её мужа лишь за то, что врачи диагностировали у них страшный недуг. Мне стало искренне жаль эту супружескую пару, но помочь, к сожалению, я им ничем не мог. Мне сделалось дурно от своей никчёмности и от осознания того, в каком лицемерном обществе мы живём. Сердце больно сдавило, а на душе «заскребли кошки».

– Молодой человек. Молодой челове-е-ек! Снимок удался. Следующий проходите, – услышал я звонкий голос лаборантки сквозь собственные мрачные мысли.

Облака

«...Нигде, нигде нельзя укрыться от человека, итак, всюду найдет он существа, ему подобные... но по небу летали вольные облака – он и в них отыскивал жизнь и создания, ему подобные, и там нет убежища...»

К.С.Аксаков «Облако»

Часто летят облака над полями,
И над лесами, и над морями.
Что с ними может сравниться?
Они то резвятся, как птицы,

А то походкой чинной и мерной
Плывут, словно взвод молодых офицеров.
То вдруг несутся, как быстрые кони,
Которых сам черт не догонит в погоне.

И на них глядя, я часто мечтаю,
Что это жизни воздушная стая.
Может, в них души погибших людей?
Может, в них души невинных детей?

И, проливаясь дождями, порой,
Они орошают дом свой родной?
Может, одно из скитальцев сердечных,

Душу несет моей дочки умершей?

Быть может, то чья-то невинная боль?

А может быть, это – земная любовь,

Что места себе на земле не нашла,

С Востока пришла и на Запад ушла?

Летят облака друг за дружкой вряд

Но нам бы на землю спуститься:

Ведь может быть кто-то из тех облаков

Сейчас, между нами, ютится?

Всмотрись осторожно: святая душа —

Со смертью на небо вернется...

Я часто на небо смотрю, словно жду —

Мне дочка с небес улыбнется.

Желания

Сама не знаю, что хочу —
Исчерпаны желанья.
И я бессмысленно торчу
На грани мирозданья.
Мне не нужна с небес звезда,
О море не мечтаю:
К нему поеду я всегда,
Как только пожелаю.
Париж, Варшава, Лондон, Рим —
Все это мне знакомо.
Сицилия напоминает Крым.
И в Рио я как дома.
И ждет прекрасная семья,
И никаких страданий.
Но все же Бога попрошу —
Немножечко желаний.

Обыденность

Жизнь давно уже устроена,
Всё известно и стабильно.
Всё налажено, настроено:
Часть – статична, часть – мобильна.

Книги все уже прочитаны
И кроссворды все разгаданы.
Все возможности просчитаны...
Ничего уже не надобно.

Дети, быт, квартира, праздники
И гараж по воскресениям.
По субботам все мы дачники.
Всё обычно. Всё размеренно.

И мечтать, пожалуй, не о чем.
Всё по плану. Всё старательно.
Лишь во сне бушуют страсти... Но
В остальном – всё замечательно!

Нитка, пуговица, иголка

В первый класс я пошёл в 1983 году. Не скажу, что мне шибутному, большеглазому мальчишке нравилось учиться, но я всё же старался, чтобы доставить удовольствие родителям положительной отметкой. Признаюсь, оценки «4» и «5» редко баловали мой дневник, но такие дни случались.

Наша учительница, Лабута Ольга Михайловна, была симпатичной, доброй, весёлой женщиной с огромным терпением. Но мои шалости даже её выводили из себя. Порой она срывалась на крик, а затем долго не могла продолжить урок, коря себя в коридоре за несдержанность.

Ольга Михайловна ещё в самом начале учебного года пересадила меня с последней парты за первую, чтобы я был постоянно на виду. А себе в помощницы взяла невзрачную рыжеволосую девочку Аллу Белякову, усадив её рядом со мной.

Алла в пять лет уже умела читать и писать, а также удивляла взрослых своей рассудительностью и серьёзностью. Наверное, поэтому учащиеся школы одновременно уважали и побаивались Аллу, а учителя всецело доверяли ей.

К середине третьего класса Алла не получила ни одной тройки в журнал, а оценку «хорошо» девочка приравнивала к «неуду». Алла прочно закрепилась среди отличников. А я... А я как был непоседой и озорником, так им и оставался. Для меня на первом месте был спорт, а уж потом

всё остальное. Моя среднестатистическая оценка равнялась трём баллам.

За несколько дней до окончания второй четверти Ольга Михайловна попросила принести на урок труда нитку, пуговицу, иголку и кусочек ткани. Мы должны были научиться пришивать пуговицы. Меня же мама с раннего детства учила быть самостоятельным, поэтому пожарить себе яичницу, постирать носки и пришивать пуговицы я уже умел. Это обстоятельство вселило уверенность, что я смогу порадовать родителей редкой «пятёркой» и сделать им отличный подарок к Новому году.

Следующим утром я вошёл в класс в распрекрасном настроении. Как обычно, дёрнул за косички близняшек Машу и Дашу, вlepил звонкий подзатыльник толстяку Косте. В очередной раз выслушал от них гадости в свой адрес и, не узнав из их слов ничего нового, направился к своей парте, пригрозив троице кулаком.

Аллу я застал плачущей. Она прикрывала лицо ладонями, из-под которых стекали крупные капли слёз, падая в раскрытый дневник. Учебники, тетради и ручки небрежно лежали на парте, а потрёпанный ранец валялся на полу. Подобного раньше я не наблюдал.

Злым взглядом я осмотрел класс, но не увидел ничего подозрительного. Тогда я присел на своё место и, аккуратно дотронувшись до плеча одноклассницы, тихо спросил у Аллы: – Тебя кто-то обидел?

Девочка отрицательно покачала головой.

– Тогда, что случилось? – вновь задал я вопрос.

– Забыла. Я всё забыла! – произнесла отличница и заплакала пуще прежнего.

«Вот те раз! Алка оставила дома все причиндалы для труда. Ольга Михайловна точно поставит ей „пару“. Училка хоть и добрая, но спуску в учёбе никому не даёт. Да уж, влипла Аллочка. За „банан“ её предки прибьют!» – подумал я и взглянул на свои наручные часы.

До начала урока оставались считанные минуты.

Плач одноклассницы становился сильнее.

– Да, не реви ты! – грубо сказал я и полез в свой портфель.

Алла прекратила плакать, вытерла слёзы руками и стала пристально наблюдать за моими действиями. Словно сказочный волшебник, я достал из недр портфеля полиэтиленовый пакет с домашним заданием и, положив его перед девочкой, сказал:

– Вот, держи, Алка-забывалка!

– А как же ты? – широко распахнула она свои зареванные глазищи и потянулась за «спасительным мешочком».

– А я, как всегда. На уроке получу «пару», а дома по заднице. Ну, да ладно, попа крепче будет, – весело произнёс я, – Жаль только, что подарок родокам сорвался!

– Спасибо, Димочка! Я тебе этого никогда не забуду! – пообещала Алла и чмокнула меня в щёку.

Прошло время.

После окончания техникума я целый год работал по специальности на местном заводе. Денег не хватало ни на что, а хотелось многого. Чтобы удовлетворять свои потребности, я придумал дополнительный заработок, благо бурная юность научила меня разным трюкам.

Ещё со школьной скамьи я мог незаметно вытащить из чужого кармана портмоне, что и проделывал неоднократно. Так же, я научился «ломать» деньги, превращая большую пачку купюр в более мелкую. Для этого были нужны ловкие руки, изворотливый ум и наглость. А этого, поверьте, у меня имелось в достатке.

Для осуществления задуманного, я привлёк в напарницы милую девушку, с которой разыгрывал театральную сценку прямо на улице.

Сценарий был прост.

В районе двадцати трёх часов мы подходили к оживлённой магистрали, где я останавливал такси для «своей» девушки. Заплатив за проезд крупной купюрой и получив сдачу, я начинал уговаривать «возлюбленную» остаться на ночь у меня. При этом деньги водителя держал у всех на виду. Через несколько минут слёзных уговоров с признаниями в любви и обещанием умереть в один день, «любимая» соглашалась остаться. Радуюсь, я возвращал таксисту полученную от него же сдачу и, извинившись, забирал свою крупную ассигнацию. Затем я помогал девушке покинуть автомобиль и,

захлопнув за ней дверь, мы спешно удалялись.

Вот, собственно, и всё.

А в чём прикол? И при чём здесь дополнительный заработок? – непроизвольно возникают вопросы.

Отвечу – заработок при всём! А прикол заключался в следующем: во время уговоров «любимой» я незаметно просовывал указательный палец под несколько верхних купюр сдачи, складывал деньги пополам в сторону запястья, а затем, когда возвращал ассигнации водителю, переворачивал стопку денег таким образом, что купюры, отделённые указательным пальцем, оставались на ладони снизу и были практически не видны потерпевшему.

В результате, к моей руке «прилипали» две-пять купюр разного достоинства. На первый взгляд «сломанных» денег получалось немного, но за «рабочий» вечер сумма накапливалась приличная, учитывая, что таксистов было несколько.

Замечу, что ни один из пострадавших водителей не пересчитывал возвращённые ему деньги. А зря!

Спустя полгода «работать» стало опасно. За нашим криминальным тандемом охотились не только обманутые шоферы, но и сотрудники правоохранительных органов.

И вот, в один из вечеров на наших руках защёлкнулись наручники.

До ближайшего отделения милиции мы шли в сопровождении двух сержантов и младшего лейтенанта, чьё лицо мне показалось знакомым. Видимо, когда-то он меня уже «при-

нимал». Шли молча, размышляя каждый о своём.

Когда на горизонте показалось серое двухэтажное здание с зарешёченными окнами, раздался приказ лейтенанта:

– Сержант Швыцов и младший сержант Завьялов, заведите задержанных в первый подъезд дома номер двадцать пять.

Младшие по званию незамедлительно подчинились и, изменив направление, повели нас к ближайшей «хрущёвке».

Плохие мысли посетили мою голову. Сердце бешено забилося. А ладони рук в один миг стали влажными от волнения.

Нас завели в темный, без единой лампочки, подъезд, в котором жутко воняло мочой, и поставили лицами к стене, исписанной непристойными словами.

«Ну вот, сейчас бить начнут. По ходу заплатили лейтенантку за наше воспитание. Так хоть бы Ленку не трогали, а я уж потерплю», – подумалось мне.

– Швыцов и Завьялов, снимите с них наручники, а сами покиньте помещение, – вновь раздался приказ лейтенанта.

Оба сержанта, не мешкая и не задавая вопросов, выполнили распоряжение командира и, освободив нам руки, удалились.

Я повернулся лицом к офицеру и, заметно нервничая, спросил:

– Что происходит?

– Вы свободны! – был дан мне ответ.

– Благодарю. А сколько мы Вам должны? – поинтересовался я.

– Нисколько, Дима. Я выполняю обещание, данное много лет назад. Спасибо тебе за нитку, пуговицу и иголку, – произнесла сотрудник милиции и, поцеловав меня в щёку, быстро ушла.

Моя помощница Лена ещё долго стояла лицом к изрисованной стене, не в силах проронить ни слова. А я смотрел вслед младшему лейтенанту Беяковой Алле и вспоминал тот самый урок труда накануне Нового, 1986 года.

Ветер

Ветер кружил по лесу,
Он рассказал о тебе.
В жизни искал ты принцессу,
А повстречался мне.

Ты видел очень многих,
Ты очень многих знал.
Но попал на мою дорогу,
И сказал, что меня ты искал.

Сказал, что с моим приходом
Солнце взошло для тебя.
И что из всего народа
Нужна тебе только я.

Сказал, стали ярче краски,
Когда ты меня разыскал...
Такую однажды сказку
Ветер мне рассказал.

Не надо

Не надо быть честным,
Не надо быть верным,
Не надо быть умным,
Не надо быть первым,
Не надо быть добрым,
Не надо влюбляться.
А надо всего лишь
Уметь защищаться.

Дежурный ангел

Дежурный мой ангел
Из плоти и крови.
Дежурный мой ангел
Из счастья и боли.
Ко мне прилетел
И ко мне приласкался.
Мой ласковый ангел
Со мною остался.

Кем послан ты был,
О мой друг неземной?
Я знаю —
Ты послан самую судьбой.

В забвенье сдать боль ту, что я претерпела,
Увидев, как в жизни я этой тоскую.
Поняв, может быть, что я жить не хотела,
Унять, хоть слегка, мою грусть неземную,

ОН создал тебя
(Кто же был вдохновитель?),
Мой ласковый ангел,
Мой ангел – хранитель.

Маркетинг 90-х

В начале девяностых в моду вошел необычный предмет гардероба, называемый лосинами. Что-то среднее между колготками и брюками, лосины пользовались невероятной популярностью у женщин. И если сначала они появились у нас как спортивная одежда, то вскоре завоевали сердца не только спортсменок. А т.к. спрос обычно определяет предложение, то производители быстренько перестроились, и вскоре в магазинах появились лосины с ажурными вставками, лосины с блестками, лосины со стразами, лосины с лентами... А цветовая гамма у лосин была настолько разнообразной, что проще сказать, какого цвета не было у столь популярного изделия, нежели описывать всю палитру красок, носимую на женских ножках, ногах и ножищах.

Были парадно-выходные лосины, будничные, дискотечные, прогулочные, школьные и даже, как мне кажется, театральные. Если белые лосины надеть с туфлями, то получался парадно-выходной или театральный прикид. А если туфли сменить на кроссовки, то вот вам дискотечный вариант. Фантазия была нужна только в подборке верха. К парадно-выходному и театральному неплохо подходил пиджак, а к дискотечному – джинсовая куртка. Сплошное удобство!

Но, если верить рекламе, лосины имели и чудодейственное свойство.

Я доехал на метро из центра Питера до Автово. Вышел на улицу и сразу же попал в людской поток, стремящийся жарким июльским субботним утром добраться хоть куда-нибудь, где будет несколько прохладнее. Мой путь лежал к остановке трамвая номер 36, на котором я собирался умчаться в Стрельна, поближе к берегу Финского залива.

Площадь возле метро была вся усыпана торговыми ларьками, в которых можно было продать золото и валюту, купить шаверму, недорого приобрести спортивный костюм «Адидас», сшитый в подвале соседнего дома, снять «жену» на пару-тройку часов и, конечно же, заполучить по сносной цене эксклюзивную модель новомодных французских и итальянских лосин, произведённых в Польше. В общем, ничего необычного для того времени и места. Однако, один из ларьков со стандартным набором продаваемой продукции всё же привлёк моё внимание. Точнее не сам ларёк, а рекламная надпись, сделанная на белой стороне дешёвых обоев, прикреплённых к витражному стеклу торговой точки.

Мельком взглянув на броскую надпись, я настолько резко замедлил ход, что почти физически ощутил, что думает девушка, едва не врезавшись в меня сзади. Я прочитал надпись второй раз, улыбнулся и подумал: «Почему же нет очереди?» Пройдя дальше, я покачал головой и рассмеялся в голос. Зачем мучить себя упражнениями? Зачем вверять себя в руки ортопедов и хирургов? Зачем скрываться за длинными юбками и широкими брюками? Ведь проблему можно

решить «малой кровью». Надпись, написанная крупно красным фломастером, гласила: «ПОКУПАЙТЕ НАШИ ЛОСИНЫ! ЛЮБЫЕ НОГИ В ЭТИХ ЛОСИНАХ СТАНОВЯТСЯ РОВНЫМИ!!!»

Мне нравится

Мне нравится, что ты в моих мечтах,
Мечтах – безоблачных и чистых!
Мне нравится, покуда на ногах,
Бежать к мечте, такой лучистой!
Мне нравится, всегда тобой болеть,
Болеть – неизлечимо, страстно!
Мне нравится, порой с тобой краснеть,
Коль речь про поцелуй прекрасный!
Мне нравится, что ты в моих мечтах,
Мечтах – безоблачных и чистых!
Мне нравится, покуда на ногах,
Бежать к ТЕБЕ – красивой и лучистой!

Тормоза

Нас сейчас не найдет никто.
Телефоны свои отключи.
Потеряла в прихожей пальто,
И упали чужие ключи.

Закружил хоровод ночей
Тех, что я провела не с тобой.
Стынет кофе давно на плите,
А в висках не стихает бой.

Я как будто с горы неслась,
Позабыв, что такое страх.
Тормоза отпустила страсть,
Чтоб очнуться в твоих руках.

Чтобы небо взорвать пополам
И бояться чудо спугнуть.
Чтоб прижаться к твоим губам,
Чтоб в твоих глазах утонуть.

Понимаю я все сама,
Но простятся мои грехи,
Ведь схожу по тебе с ума
И пишу по ночам стихи.

Мы вернемся к семьям своим,
Лишь счастливые пряча глаза.
Завтра снова ты мне позвони,
Пусть откажут опять тормоза.

Минута слабости

Прости. Устала. Больше не могу
Качать права и каждый день бороться,
И улыбаться (ведь для всех я – Солнце),
И быть проталиною первою в снегу.

Молчать, когда кричать хотелось в голос
И уверять всех в том, что все прекрасно.
И, помня то, что красота опасна,
Закрашивать свой поседевший волос...

Посуда – вдребезги. На край земли я скроюсь.
Калачиком свернуться – ночь нежна...
Минутка слабости... Прости, я успокоюсь.
Я сильная. Я справлюсь. Я должна.

Заноза

Боль. Ох, уж эта нестерпимая боль! Она гниющей занозой сидит в моём сердце. Вернее, исходит от Занозы, гниющей в моём сердце. И не избавиться от этой боли никак. Никак её не ослабить. Ничем не заглушить.

А если я вырву Занозу из сердца, вырву, брошу и забуду, тогда боль уйдёт? Да, уйдёт, я это точно знаю! Более того, я обрету свободу. Полную свободу! Но вместе с болью я лишусь и привязки к душе. Моей израненной, больной душе. Ведь именно благодаря Занозе я испытываю физическую и душевную боль, которая говорит мне, что я ещё жив. А зачем мне, мёртвому, свобода?

Боль, боль, боль. Она преследует меня всегда и везде, не давая забыться ни на мгновение. Боль невыносима, а от Занозы избавиться я не могу, да и не хочу – я раб этой Занозы.

Я раб твой, За-но-за!

Люди должны бояться

Люди должны искать
И не должны сдаваться.
Но иногда – терять.
Но иногда – бояться.

Люди должны терпеть,
Люди должны сражаться.
Но иногда – реветь.
Но иногда – бояться.

Сильными будьте всегда,
Жизни не стоит пугаться.
Но все-таки иногда
Люди должны бояться.

Другая

Твои прощальные цветы.
Твои слова «Прости, родная»
Мои печальные мечты...
Теперь я для тебя чужая.
Другая будет греть обед,
Стирать рубашки и пеленки,
Гасить в прихожей будет свет
И нянчить твоего ребенка.
А я (ну кто бы мог поверить?)
Осталась будто не при чем.
Теперь другая твои двери
Откроет, но моим ключом.
А мне остались только сны,
Не знает входа в них другая.
А наяву – твои цветы
И те слова «Прости, родная»

Голуби

Мрачный, пасмурный день дождливого лета. Тепла ещё не было, а ведь конец августа. Создаётся впечатление, что на Южном Урале за весной сразу наступила осень.

В исправительную колонию пришёл этап. Осужденные выпрыгивали из автозeka и их тут же усадили на корточки многочисленные конвойные.

Уставшие от длительного переезда арестанты грустно смотрели на влажный асфальт, ожидая, когда фамилию каждого из них зачитает дежурный помощник начальника колонии (ДПНК), мечтая быстрее добраться до помещения под названием «Карантин», чтобы там хоть немного отдохнуть.

Рослый, широкоплечий, с добрым лицом майор зачитал последнюю фамилию осужденного, и под лай собак арестанты в помятой робе двинулись строем, создав колонну по трое из шести шеренг. Неторопливым шагом зеки шли по длинной аллее, неся в руках свой скудный скарб и украдкой озираясь по сторонам, чтобы понять в какой «райский уголок» судьба закинула их на сей раз.

Мимолётному взору арестантов попались на глаза хоккейная коробка, заросшая травой, флагшток со спущенным флагом Российской Федерации, одиноко стоящая столовая с обшарпанными стенами, и опустевшие двух и трёхэтажные бараки, где о недавнем пребывании людей напоминали

лишь шторы да цветочные горшки с засохшими растениями на подоконниках.

Причиной такой безлюдности стала – «перережимка», то есть изменение условий содержания спецконтингента.

Для этого полуторатысячную колонию общего режима полностью освободили от заключённых, совершивших преступления незначительной степени тяжести, чтобы на их места привезти тех убийц, грабителей, насильников и наркоторговцев, кто попал на скамью подсудимых впервые в жизни, но, в силу тяжести преступления, был приговорён судом к лишению свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Новый начальник пенитенциарного учреждения, следуя концепции 2020 по реформированию уголовно-исполнительной системы, предложил своему руководству идею создания трудового лагеря, в котором в обязанности осужденного включалось бы трудоустройство на предприятия колонии, и где за свой труд арестант получал бы не только заработную плату, но и различные льготы, влияющие на скорейшее возвращение домой, то есть условно-досрочное освобождение.

Руководство ГУФСИН поддержало предложение молодого, энергичного начальника и дало отмашку на создание концептуально новой (или хорошо забытой старой) колонии, дав ей название – «Исправительный центр №1».

Два арестанта, молодой и пожилой, вышли из помещения

отряда на свежий воздух, держа сигареты в руках. Они оба завершили обустройство в своём новом жилище, и сейчас больше всего на свете им хотелось курить. Место для курения расположилось в глубине небольшого локального участка рядом с забором из сетки «рабицы» и молодой елью, соседствующей с возрастными берёзами, растущими в клумбах. Молодой зек Ильдар Загоев, двадцатисемилетний, симпатичный чеченец высокого роста и фигурой атлета, первым зашёл в беседку-курилку и, чиркнув спичкой, прикурил сигарету.

– Не туши, – попросил Ильдара пятидесяти шестилетний, невзрачный татарин Рамиль Хабибуллин, не выделяющийся ростом и комплекцией из общей массы арестантов.

– Давай, брат Рамиль, прикуривай, – сказал Загоев, поднеся горящую спичку к сигарете Хабибуллина.

– Ох, благодать, – удовлетворённо произнёс Рамиль, сделав глубокую затяжку табаком и выпустив сизый дым из лёгких.

– Да нет, Рамиль, какая же это благодать, когда в конце августа деревья полуголые стоят, а оставшаяся листва жёлто-красного цвета?! – поправил товарища Ильдар, заметив природное несоответствие.

– Как точно ты, Ильдарка, подметил – деревья, словно глубокой осенью, тишина и бездвижие, как на кладбище, и, заметь, здесь даже голуби не летают. Ну, прямо зона отчуждения. Жуть! – с толикой таинственности произнёс Рамиль и,

сделав очередную глубокую затяжку, поёжился.

– Загоев, Хабибуллин. Вас срочно зовёт инспектор отдела безопасности, – прямо с порога отрядного помещения крикнул кто-то из осужденных.

Рамиль и Ильдар затушили недокурные сигареты, бросили их в урну и нехотя пошли в барак.

С каждым днём колония преображалась.

Арестанты трудились на совесть, воодушевлённые словами начальника учреждения о возможном условно-досрочном освобождении для каждого хорошо работающего заключённого и не нарушающего правила внутреннего распорядка исправительного центра №1.

Чуть больше, чем за два месяца численность колонии возросла до ста двадцати двух человек. В первой декаде ноября, общими усилиями осуждённых и при внушительной финансовой поддержке колонейской администрации, были приведены в соответствие отрядные помещения, заменены трубы системы отопления и с нуля построено кафе для свидания осужденных с родственниками на территории колонии.

Солнечным, безветренным ноябрьским днём Ильдар и Рамиль несли свои вещи в отремонтированное, тёплое помещение третьего отряда.

– Ты смотри, братан, благодать-то какая – на небе ни облачка, на улице тепло, словно бабье лето пришло, а деревья как стояли полуголые в день нашего приезда, так и до сих

пор свои одеяния не скинули. Странное всё же здесь место! – воодушевлённо произнёс Рамиль и, поставив баул с вещами на скамейку «курилки», вынул сигарету из пачки.

– Прикуривай, Рамиль, – предложил Ильдар.

Он поднес горящую спичку к сигарете товарища и глубоко вдохнул свежий морозный воздух:

– Да, ты прав, братка – благодать! Погода словно отыгрывается за никудышное лето. Ты смотри, Рамиль – голуби прилетели! – с детским задором крикнул Ильдар, указывая на небольшую стайку птиц, и, снизив тон до полuşёпота, оптимистично закончил: – Значит, жизнь продолжается и всё, всё будет хорошо!

Мечь

В ожидании друга волчица сидит,
Окружённая девственным лесом.
Песню тянет. На небо глядит,
Отдыхая под звёздным навесом.
Волк – бедняга в крови, от людей
Уползал по промёрзшей дороге.
Он желал повидаться лишь с ней,
Находясь на предсмертном пороге.

Плачущая песня любви
Нежно поднималась к луне.
Только с неба увидеть могли,
Как печаль проявилась во тьме.

Шёл на встречу к волчице своей.
Шёл не прячась, о милой мечтая.
Шёл один, не послушав друзей,
И забыв, что есть зависть людская.
Кто-то крикнул: «Гони на меня!»
И пошло, понеслось, полетело.
Раскалённая вспышкой огня,
Пуля с силой ударила в тело.

Плачущая песня любви

Нежно поднималась к луне.
Только с неба увидеть могли,
Как печаль проявилась во тьме.

У волчицы враз вздыбилась шерсть.
Будто злое почувствовав что-то,
Самка взвыла, собравшись на месть,
Скаля пасть, сорвалась на охоту.
Лапы сами направились в путь,
Свой маршрут находя под луною.
И пусть друга уже не вернуть,
Но и людям не будет покоя.

Плачущая песня любви
Нежно поднималась к луне.
Только с неба увидеть могли,
Как отмщён был любимый во тьме.

Ушедшим родителям

Мы перед камнем головы склоняем
На нем набиты ваши имена,
И Бога тихо, слезно умоляем
Вернуть на миг те времена:
Где ты, мамуля, ласково и нежно
Свою любовь даруешь нам,
А ты, отец, спокойно, безмятежно
Наш детский устранишь гам.
Мы память вечную храним,
И помним лица ваши, ваши руки,
Гордимся вами и скорбим,
Мы – дети ваши, ваши внуки!

Кома

– Скажи, ты счастлива была?
(Она молчала.)
– Тебе сломали два крыла,
Ты не кричала.
Тебя любили сто мужчин
И рвали сердце.
Тебе же нужен был один,
Чтобы согреться.
В любви и ненависти ты
Не знала меры.
И научилась продавать
Надежду с верой.
Тебе пришлось все потерять,
Чтоб быть мобильной.
Ты разучилась доверять
И стала сильной.
Ведь приходилось жилы рвать!
Забыла грезы...
Зато ты научилась лгать
И прятать слезы
И приходилось быть всегда
За все в ответе.
Есть то, что держит тебя здесь?
– Конечно! Дети!

Взмахнув крылами на прощанье,
Тень умчалась.
А я, очнувшись,
На земле пока осталась

Подарок

Случай, о котором я хотел бы рассказать, произошёл со мной много лет назад.

Пушка Петропавловской крепости давно уже издала залп, оповещая горожан о полудне, но для меня субботний летний день только начался.

С дикой головной болью и сушняком во рту, я аккуратно поднялся с постели.

Празднование окончания трудовой недели в диско-баре «Лань» не прошло для меня бесследно. Удивительный напиток – «Ёрш» (смесь нескольких кружек пива «Петровское» и некоторого количества водки разных сортов), просился наружу.

Неуверенной походкой я направился в кухню, чтобы утолить жажду и выкурить пару сигарет.

Но если первое мне удалось, и я с жадностью выпил литр кипячёной воды, то со вторым ждало разочарование – сигареты закончились.

Пришлось наспех одеться и выйти на улицу.

Расстояние в триста-четыреста метров до ближайшего киоска с сигаретами, казалось марафонской дистанцией.

Даже не радовали глаз до боли любимые улицы – Большая, Средняя и Малая Подьяческая, через которые мне предсто-

яло пройти дворами.

И вот, когда на горизонте показался вид Никольского собора, из открытого окошка иномарки, припаркованной к тротуару, раздался мужской голос с просьбой подойти к машине.

Не испытывая ни малейшего желания общаться с кем-либо, я всё же направился к зовущему.

За рулём сидел молодой парень, лет двадцати пяти, в дорогом спортивном костюме. Его волосы были очень коротко, но стильно подстрижены. А на огромной, натренированной шее красовалась массивная, золотая цепь, типа «Бисмарк» (неизменный атрибут «девяностых»).

Говорил «спортсмен» достаточно быстро и складно. Но слушать про его проблемы с подружкой не хотелось.

Закончив свой монолог, парень попросил:

– Брателло, выручи! Сегодня у моей девушки день рождения и я не могу оставить её без обещанного подарка-сюрприза, даже не смотря на нашу ссору. Сам понимаешь – это не по-пацански! Поэтому, я прошу тебя, «закинь» цветы и коробку с тортом..., – «браток» не разворачиваясь указал согнутой рукой на заднее сиденье, где лежали подарки, – ... в этот дом. Парадная сразу за углом, – парень «воткнул» кисть с вытянутыми на ней пальцами в здание, где жила его возлюбленная и продолжил:

– Я в долгу не останусь и «отслонявлю» достойную «котлету ловэ»!

Понимая, что и сам мог оказаться в подобной ситуации, когда мужская гордость не позволяет лично выполнить данное обещание, а не сдержать слово попросту нельзя, я согласился отнести букет цветов и коробку с тортом для именинницы. А вот от «котлеты» вежливо отказался.

Я молча, со вздохом взял ношу и отправился в указанном направлении. Утешало одно – идти было не далеко.

Честно скажу, мой облик не сочетался с цветами и тортом. Изрядно «помятая» физиономия, футболка на выпуск, спортивные штаны (типа рейтузы) с растянутыми коленями, да сланцы, надетые на босые ноги, не создавали мне презентабельный вид. Вот такой «красивый» я и подошёл к парадной пятиэтажного дома, построенного в начале девятнадцатого века.

Квартира девушки-именинницы располагалась на третьем этаже. Но для меня – человека с похмелья, оказалось мукой преодоление шести лестничных маршей, по несколько десятков ступеней каждый.

Каждый шаг отдавался болью в голову. Пот заливал лицо. Ноги подкашивались. Звуки музыки, постепенно нарастающие с приближением к нужной квартире, разбивали мой мозг.

Но я всё же дошёл и, отдышавшись, надавил на кнопку звонка.

На моё удивление тяжёлую, дубовую дверь открыли сразу, несмотря на орущую танцевальную музыку.

На пороге стояла симпатичная, молодая девушка, но изрядно подвыпившая. Она, буквально, втощила меня вглубь квартиры, где находились ещё несколько хорошо одетых и недурных собой незнакомок. Эти девушки тоже были пьяны. Увидев меня, все «леди» стали хлопать в ладоши и визжать. Судя по восторженной реакции, им недоставало «кавалера».

Я даже не успел представиться и толком объяснить цель визита, как мне подали бокал внушительного размера, с приятно пахнущей жидкостью.

«Штрафная» прошла легко и прижилась в желудке без проблем.

А после второго бокала я ощутил себя полноценным человеком и, закурив, стал объяснять своё появление в такой гостеприимной компании.

Рассказанная история о походе за сигаретами развеселила захмелевших красавиц. Они долго и громко смеялись, заглушая своим хохотом музыку.

Но вот заиграла медленная композиция.

Красивая мелодия расплылась по всей комнате, заставив девушек ненадолго притихнуть. Воспользовавшись замешательством подруг, одна из незнакомок схватила меня за правую руку и потянула на танцевальную площадку, организованную между богато сервированным столом и стенкой из натурального дерева.

Мой домашний прикид её ничуть не смущал.

Во время танца дискотформт создавал лишь букет цветов, который я так и не смог вручить имениннице, так как не понял, кто из присутствующих девушек является ею. (Хорошо хоть торт поставил на стол).

После окончания композиции вопрос кому дарить цветы разрешился сам собой.

Одна из девушек предложила взглянуть на торт, который принёс я по просьбе её молодого человека. Таким образом, я догадался, кому следует преподнести порядком поднадоевший букет.

Получив розы и небрежно кинув их на кожаный диван, именинница приступила к развязыванию большого, красного банта, красовавшегося на коробке с тортом.

После того, как бант был развязан, а верхняя крышка коробки снята, моя нижняя челюсть непроизвольно опустилась вниз.

Такого торта я ещё не видел!!!

Но меня впечатлил не сам торт, сделанный явно на заказ и украшенный различными розочками и надписями. Меня поразило то, что торт можно напичкать купюрами различного достоинства с лицами американских президентов и при этом не сломать красоту кулинарного шедевра. Причём сумма воткнутых денежных знаков позволяла запросто купить шикарную иномарку!

Честно скажу, что нехорошие мысли посетили меня в тот момент.

Ах, знал бы я, что за подарок нёс. Я бы нашёл ему отличное применение!

Но всё вышло, как вышло.

Такой презент следовало немедленно «обмыть»!

С восхищением от увиденного, некоторой завистью и в полной тишине, мы «обмыли» поистине дорогой подарок несколько раз.

Оцепенение спало.

Чтобы окончательно разрядить обстановку, именинница предложила мне игру со странным названием – «Удар».

От меня требовалось как можно сильнее стукнуть по торту ладонью руки и сколько денежных знаков упадет на пол, то таким и будет мой выигрыш.

Предложение именинницы получило поддержку со стороны её подруг. Они пьяно хихикали и всяческими способами подгоняли меня начать игру.

Но я и сам был не прочь выгодно поразвлечься! Поэтому отнекивался недолго и только ради приличия, хотя этого самого приличия ни у меня, ни у остальных присутствующих, практически, не осталось.

Для точности удара мне поднесли очередной бокал с приятно пахнущей жидкостью. Он привёл меня в состояние, аналогичное предыдущему вечеру.

При поддержке окружающих, под их сумасшедшие крики, я сделал высокий замах, произвёл сильнейший удар и...

...ПРОСНУЛСЯ!!!

Я книги читаю с конца

Я книги читаю с конца,
Потом возвращаюсь к началу...
Я в жизни так многих встречала,
Так многих хранила сердца!

В любви я сгорала дотла,
Чтоб вновь вспылать с новой силой,
Забыв обо всём, что было.
И я никому не лгала!

Я падала и воспаряла
Сильней каждый раз, чем прежде.
И я, не лишаясь надежды,
Искала и снова теряла.

Я снова стою у крыльца.
Теперь я тебя полюбила...
Но ты не забудь, мой милый,
Я книжки читаю с конца.

Заоха

Глава 1

Зима на Урале – это безумно холодно! Здесь фраза «холод пробирает до костей» – это не фигура речи. Это физические ощущения

За несколько часов до Нового года мороз ещё больше окреп, и столбик термометра перевалил за отметку в минус тридцать пять градусов. Жуть! Казалось, что даже крупные снежинки замедлялись в своём падении из-за столь низкой температуры и именно поэтому они нехотя ложились на административные здания, асфальт и заборы с колючей проволокой N-ской колонии строгого режима.

Быть эком – мерзко! А в безумно холодное время года – жутко мерзко!

Но, как и большинство вольных граждан, вне зависимости от погодных катаклизмов, арестанты любят Новый год и тщательно готовятся к этому празднику.

Одни в отрядном умывальнике сцеживают и разливают бражку из пластиковых канистр по пластиковым бутылкам.

Другие глядят новые вещи старым утыгом с подгоревшей «подошвой».

Третьи уже фотографируются на камеру мобильного телефона, будучи побритыми, отглаженными и напарфюмерными так сильно, словно желая, чтобы запах одеколona проник к получателю фотографии через объектив.

Четвёртые готовят праздничный ужин.

А кто-то, кому просто нечего делать, тупо смотрит теле-

визор в специально отведённой для этого занятия комнате.

Хотя ещё полгода назад о подобных вольностях ни один арестант не мог даже и помечтать. В недалёком прошлом всё делалось строго по режиму, а любые отклонения от него согласовывались с сотрудниками администрации. Простые упоминания о спиртном, наркотиках, мобильных телефонах и других запрещённых предметах сулили большими неприятностями. А их употребление и приобретение и того хуже – от водворения в ШИЗО (штрафной изолятор), до увеличения срока заключения.

Но всё меняется!

«Красный» – милицейский ход сменился «чёрным» – зёковским. А затем «чёрный» ход вновь заменит «красный». Так было и так будет всегда.

Но накануне 2013 года никто не хочет вспоминать плохое и думать о прошедшем. Все зёковские мысли направлены в будущее.

В добротном кирпичном бараке, в отрядном помещении для приёма и приготовления пищи – «пищёвке», было многолюдно. Зэки копошились, стряпая праздничный ужин. Пахло цитрусами, колбасой и подгоревшим луком.

За одним из шести кухонных столов свои яства готовили трое товарищей – Леонид, Максим и Дильёр. Они, как здесь принято говорить, были семейниками, т.е. делились в своём узком кругу не только продуктами питания, но и радостями

с горем, а так же решали различные проблемы сообща.

Леонид – тридцатисемилетний, высокий брюнет, с большими карими глазами, миловидный в прошлом (пока не появился уродливый шрам под правым глазом), спортивного, легкоатлетического телосложения.

Максим – невысокий коренастый мужчина с тёмными, бегающими глазами на округлом, но худощавом лице, на полгода моложе Лёни.

Дильёр – симпатичный узбек, ростом чуть ниже Леонида, крепкого, спортивного телосложения, был самым молодым из троицы (на шесть лет моложе Макса).

... – А я бы хотел, чтобы Новый год подарил мне племянника. А то мой младший брат со своей женой пока только девчонок стругают, – поделился своею мечтой Макс.

– Так ты бы научил братана, как пацаны делаются! – смеясь, произнёс с заметным акцентом Дильёр.

– Но ты, остряк, за пловом лучше приглядывай! – строго сказал Максим Дильёру.

– А ты помидоры не сильно мелко реж! – с издёвкой ответил Дильёр.

– Пацаны, а может не будем ссориться? – поинтересовался Лёня, не отрывая взгляд от эмалерованой миски с салатом «Оливье», в который выдавливал из полиэтиленовой упаковки майонез каким-то оригинальным, но понятным только ему, рисунком.

– Так мы и не ссоримся, – уверенно произнёс Дильёр, при-

открыв крышку кастрюли, в которой томился плов.

– Да, запах что надо! – потянув носом, произнёс Максим, – Что-что, а в приготовлении плова ты, Дильёр, лучший!

– Согласен! – подтвердил Лёня.

– Пацаны, плов готов. Можно за стол садиться, – сказал Дильёр.

– А что по времени? – обращаясь ко всем сразу, спросил Макс.

– Половина двенадцатого, – взглянув на часы на правой руке, ответил Лёня.

– Ну, что ж, давайте садиться, – предложил Максим и, взяв с кухонного стола миску с салатом из свежих овощей, нарезанный хлеб и три ложки, отправился в жилую секцию отряда, где в проходе между двухъярусными, панцирными шконками (койками) был создан стол из составленных вместе четырёх табуреток.

Прихватив с собой оставшиеся кушанья, Лёня и Дильёр так же проследовали к импровизированному столу.

Молодые люди, в условиях зоновского казённого минимализма, смогли создать и наладить свой быт таким образом, чтобы возникало ощущение домашнего тепла и уюта. Они, разумеется, не без помощи родственников, смогли купить маленький портативный DVD-плеер и установить его на тумбочке в проходе между своими спальными местами.

А к шконкам второго яруса товарищи прицепили простыни во всю их ширину. Получилось что-то вроде тряпичных стен, ограждающих от взоров любопытных зэков территорию личного пространства.

В «кубрике» было чисто и опрятно. И даже в тумбочке без дверцы (задумка администрации) все предметы личной гигиены находились строго на своих местах, демонстрируя окружающим патологическую чистоплотность хозяев мыла, кремов, зубных щёток и паст.

Спальные места Лёни, Макса и Дильёра были заправлены аккуратно и красиво. В общем, находиться в этом отгороженном от внешнего мира пространстве было приятно и домашнему уютно.

Да и сами молодые люди, связанные одним общим горем – тюрьмой, были дружелюбны и общительны. Их объединяли не только длительные сроки отбывания наказания; не только общие интересы и несущественная разница в возрасте; но и взгляды на жизнь. И пусть каждый из них был занят своим делом: Максим работал на станках в промышленной зоне, Лёня создавал красоту в локальном участке (сажал цветы весной, красил ограждения, а зимой убирал снег), а на Дильёре держался быт целого отряда, главное убеждение – оставаться людьми при любых обстоятельствах! – поистине сплачивало их.

– Ну, что ж, Дильёр, раскладывай плов. Сейчас плотно по-

кушаем, а Новый год встретим с чифиром и тортом. Возражений нет? – спросил Леонид.

– Не уверен, что после плова на торт место останется, – облизываясь от предвкушения скорой вкусной еды, выказал сомнения Максим.

– Так ты с двух ложек не ешь и тогда место для торта и чая останется, – смеясь, произнёс Дильёр и стал раскладывать узбекский деликатес по пластмассовым тарелкам.

Максим и Лёня улыбнулись над сказанным Дильёром и устроились возле стола, присев на шконки.

Плов получился действительно вкусным, и молодые мужчины молча уплетали его за обе щеки, обмениваясь лишь взглядами и жестами.

Когда с горячим было покончено и на лицах арестантов появилось выражение полного удовлетворения, сытости и лени, Макс, достав телефон из кармана брюк, спросил:

– Пацаны, вы во сколько звонить хотите?

– Я буду звонить в два, в начале третьего ночи. Хочу мамульку поздравить с уже наступившим Новым годом. У неё, ведь, по Москве тринадцатый наступит, а не как у нас – на два часа раньше, – ответил Лёня.

– А я, может быть, вообще звонить не буду. Во-первых, с деньгами туго; а во-вторых, не хочу ни себе, ни вам праздник омрачать. Как голоса родных услышу, так больно на душе становится. У меня ведь отец совсем плох. Разговори-

вает с трудом. А мамка возле него постоянно крутится – то одно принесёт, то другое подаст, – со вздохом сказал Дильёр и отвернулся в сторону тёмного окна, чтобы никто из ребят не увидел скупую мужскую слезу, медленно поползшую по щеке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.